

ций, в которых проблематизировалась идея границ, в том числе тех, которые сама Моррис называет ключевыми: национальных, расовых, гендерных и т.п. Так, во «Введении», где сформулированы основные критические положения о границах и их культурной обусловленности, помимо литературных произведений и гоббсовского «Левиафана», она ссылается лишь на пять критических исследований очень разного характера, принадлежащих Маргарет Макмиллан, изучающей наследие Гоббса, политическим философам Ханне Арендт и Жаку Рансьеру, Юлии Кристевой и Марине Уорнер — специалисту по политике перевода. Эта исключительность рассуждений, возможно, тоже намеренная, во всяком случае, не вводящая никаких противопоставлений в силу игнорирования усилий других авторов, рассуждающих о близких Моррис проблемах, «естественным» образом воспроизводит границу, тоже не раз обсуждавшуюся, — границу дисциплинарного знания и языка описания, в данном случае тех, что имеют отношение к традиции литературоведения. Хотя Моррис и обращается — преимущественно для восстановления контекста бытования того или иного романа — к работам историков, психоаналитиков, философов и т.п., эти обращения отрывочны и порой производят впечатление случайных, что несколько портит впечатление от книги.

Впрочем, все это имеет значение, если читатель оценивает книгу в рамках — или границах — академического знания, правила построения которого (как известно, не гарантирующие «научного» результата) разрушаются, часто вполне намеренно, в поле феминистской критики, в котором работает Пэм Моррис, являющаяся к тому же независимым исследователем. «Политика границ...» издана в серии издательства «Блумсбери», посвященной мировому женскому литературному творчеству и нацеленной на демонстрацию и изучение его многообразия. С точки зрения содержащейся в ней критики социально-политической действительности книга Моррис представляет собой интересно построенное и достойное внимания высказывание, задающее важную перспективу для оценки очень разных текстов.

Сергей Коретко

Антиномии девианта:

**МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ,
ФИЛОСОФСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

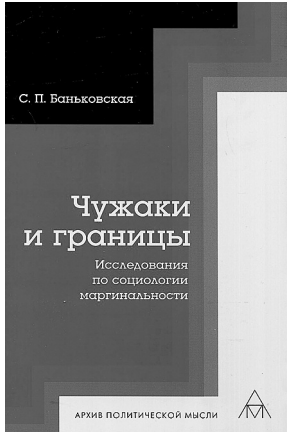
DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_346

**Баньковская С.П. Чужаки и границы: исследования
по социологии маргинальности.**

СПб.: Владимир Даль, 2023. — 301 с. — 500 экз. — (Архив политической мысли).

«Чужаки и границы» Светланы Баньковской посвящены, пожалуй, одной из самых острых проблем современного мира — проблеме маргинальности и пограничности. Хотя автор работает преимущественно в поле социологической теории и социаль-

ной философии, изучаемая проблематика выходит за их пределы — она важна для политической теории и других социальных наук.

Если читать с начала, есть риск не сразу понять цель и основную идею исследования: книга предвзвешивается введением редактора и начинается с обсуждения абстрактного понятия Другого. Наиболее же ясно задумка и ключевой аргумент автора сформулированы в заключении, поэтому начинать знакомство с книгой следует с него. Итак, основная идея Баньковской состоит в следующем. В современном мире, переживающем глобализацию, универсализацию, урбанизацию, политические катаклизмы и катастрофы, массовую миграцию, крушение государств и изменение границ, конфликт поколений и т.п., состояние маргинальности приобрело всеобщий масштаб, то есть распространилось на все общество в целом. Универсальность этого феномена породила множество несоизмеримых

подходов к интерпретации маргинальности в социологической теории: социально-психологический, структуралистский, культурологический, институциональный и т.д., не говоря уже о рассмотрении сопутствующих проблем в смежных дисциплинах. Хотя множественность подходов к изучению феномена маргинальности и позволяет получить представление о разных его аспектах, она не дает целостного понятия, которое могло бы служить ориентиром для эмпирических исследований по социологии маргинальности. Поэтому Баньковская ставит перед собой цель описать идеальный тип маргинальности — создать такую интеллектуальную конструкцию, которая, с одной стороны, схватывала бы ключевые сущностные признаки феномена, а с другой — служила бы герменевтическим инструментом для изучения бесконечного многообразия его социальных проявлений.

Книга состоит из пяти глав. Первая, наиболее философская, посвящена социальной онтологии понятия Другого, которое, как убедительно показывает автор, необходимо для серьезного разговора о феномене маргинальности. Там же схематично рассмотрены основные положения важнейших для автора теоретиков инаковости и маргинальности: Георга Зиммеля, Альфреда Шюца и Роберта Эзры Парка. Во второй и третьей главах — центральных и наиболее ценных для социальных теоретиков — концепции этих авторов рассматриваются более подробно, а также тщательно описываются ключевые характеристики феномена маргинальности. Наконец, последние две главы, посвященные институционализации маргинальности (в формах миграции и гражданства) и структурной маргинальности в современном городе, представляют собой попытку применения разработанного автором идеального типа для осмысления эмпирической реальности.

Прежде чем рассматривать собственно маргинальность, или социальный опыт пограничности, Баньковская обсуждает социально-философские предпосылки понятия Другого, которые относятся к сфере социальной онтологии, или наиболее фундаментальных основ общественного бытия. Опираясь на неокантианскую и феноменологическую традиции, автор утверждает, что именно Другой является наиболее базовым элементом общества. По сути, речь идет о допредикативном основании общественного бытия, о первичной неразличимости, предшествующей разделению на субъект и объект познания. Поскольку общество как особая реальность предполагает существование субъект-субъектных отношений, в которых субъект познания взаимодействует с подобными себе другими людьми, будучи и сам другим по отношению к окружающему обществу, то можно утверждать сле-

дующее. Общество, состоящее из инаковых людей, имеет в качестве своего объективного, неизменного, неразложимого на элементы онтологического основания принцип инаковости и различия, или, иными словами, фундаментальную неопределенность. Вне зависимости от социальной ситуации, исторической эпохи и т.д., всегда в обществе будет присутствовать элемент неопределенности, который, как показывает Баньковская, выступает в качестве ключевого условия для структурирования социального порядка.

Между тем Другой — это отвлеченная конструкция, результат так называемой самоочевидной типизации. Эта категория слишком абстрактна для изучения эмпирической действительности, а значит, она должна быть опосредована другими категориями, более приближенными к повседневному социальному опыту и реально существующим индивидам. Такими категориями для Баньковской являются Чужак и Маргинал. Рассуждая о фигуре Чужака, она опирается на Георга Зиммеля, согласно которому Чужак представляет собой конститутивное исключение, служащее основанием любой социальной группы. Его главная характеристика — одновременность близости и дали по отношению к группе: Чужак всегда является ее частью, но, будучи неподконтрольным ей, неконформным элементом, опознается в качестве чужеродного элемента, потенциально угрожающего ее целостности. Именно поэтому Чужак имеет большое значение для консолидации общества: его существование позволяет группе осознать себя посредством противопоставления тому, чем она не является. Зиммель также указывал, что распространение функции Чужака является прямым следствием современности и процессов универсализации. Чем более универсальна, инклюзивна и многочисленна группа, тем большее место занимает в ней случайное и чужеродное и тем менее она внутренне сплочена. Баньковская пишет, что Чужак в версии Зиммеля — это пространственная категория, парадоксальное тождество близкого и далекого, угрожающее пространственной гомогенности общества.

Наряду с пространственным аспектом автор подчеркивает важность и темпорального измерения категории Чужака. Для этого она обращается к феноменологической социологии Альфреда Шюца. Как и Зиммель, Шюц утверждал, что Чужак является объективно существующим элементом общества, не вполне вписывающимся в окружающий культурный контекст, но добавлял к этому историческое измерение. Чужаками становятся как новые члены группы, например мигранты, которые хотя и вписались в новые для себя социальные роли, но все же исключены из общего прошлого группы, так и старые. Таков случай «вернувшегося домой» члена группы, который, испытав опыт Чужака, оказался в ситуации, когда пути его и прежнего социумов разошлись.

По мысли Баньковской, рассматриваемый в пространственном и временном разрезе Чужак является актуализацией фигуры Другого: эта категория позволяет прояснить отвлеченное понятие Другого, приблизить его к повседневной социальной реальности, используя для описания ситуаций неопределенности, пограничности и амбивалентности. Но одной этой категории недостаточно. Помимо чуждости и инаковости Баньковскую интересуют пограничность и гибридность социальных групп, поэтому она обращается к категории Маргинала, опираясь на исследования Роберта Парка. Основной сущностный признак Маргинала — пограничность, то есть промежуточное положение. Он находится между разными социумами, разными культурными и другими контекстами, не принадлежа полностью ни к одному из них, буквально является олицетворением и воплощением межкультурного конфликта. Такое положение чревато психологическим дискомфортом и экзистенциальной неуверенностью, но в то же время позволяет быть более «свободным», не скованным рамками и конвенциями одной культуры. По этой при-

чине Маргинал влияет на общество во многом благотворно. Его ключевая роль в том, чтобы сохранять место потенциальному и нереализованному в обществе, пространство для динамизма и перемен. Более того, парковский Маргинал (как и Чужак Зиммеля) одновременно является как субъектом, так и объектом процесса универсализации. Маргинальность — это прямое следствие усложнения общества, процесса цивилизации, превращения традиционных, закрытых общин в современные нации, а затем и в наднациональные сообщества.

Сравнивая концепции Зиммеля и Парка, Баньковская отмечает их преемственность и близость в пространственном определении инаковости. Вместе с тем она указывает на фундаментальное, едва ли разрешимое противоречие. С одной стороны, фигура Маргинала связана с конструктивными процессами универсализации и распространения цивилизации. Собственно говоря, Маргинал и возникает из столкновения культур в ходе миграций, строительства наций и развития международного сотрудничества. С другой стороны, тот же процесс порождает новые конфликты, разломы, способствует фрагментации и угрожает социальному порядку. По мысли Баньковской, обе стороны необходимы, поскольку для общества одинаково вредны как излишне успешная социализация индивидов, превращающая их в послушных конформистов, так и полный провал социализации, ведущий к распаду социального порядка.

Сконструировав идеальный тип маргинальности с опорой на социальную онтологию Другого, неустойчивую и подвижную во времени и пространстве фигуру Чужака и воплощение социального и культурного конфликта в пограничной фигуре Маргинала, автор пробует в последних двух главах навести мосты между социальной теорией и эмпирическими исследованиями маргинальности, отшлифовав по ходу дела свой теоретический инструментарий. Выбор пал на две проблемные области — институционализацию маргинальности в процессе пересечения политических границ (на примере исследований миграции и гражданства) и маргинальность в современных городах. Почему на них? Во-первых, сегодня именно трансграничные миграции, а в ряде случаев и изменения самих границ напрямую связаны с падением групп людей, а то и целых наций, из стабильного состояния в промежуточное или неустойчивое, то есть маргинальное. Во-вторых, именно город в силу присущих ему анонимности, массовости, отчуждения и универсализации оказывается самым благоприятным местом для обитания маргиналов разного типа. А кроме того, социология уделяла большое внимание и тому, и другому. Соглашаясь с этими доводами, нельзя все же не отметить некоторой произвольности в выборе сюжетов для эмпирического изучения маргинальности. В частности, эта тема едва ли может быть адекватно рассмотрена без учета классового разделения общества и обращения к социологии неравенства.

Так или иначе, Баньковская полагает, что институционализация маргинальности неразрывно связана с границами. В современном мире возможны как преодоление границ посредством миграционных потоков, так и их изменение, например в результате распада государств. В обоих случаях происходит маргинализация и переход в нестабильное состояние широких групп населения, если не целых обществ. Автор останавливается на последствиях распада СССР, в частности на притеснениях бывших советских граждан нетитульной национальности в агрессивных постсоветских этнократиях, а также анализирует нестабильный характер российского гражданства после распада Советского Союза, в каком-то смысле поставившего в маргинальное положение все общество. Применение идеального типа маргинальности к конкретным социально-политическим реалиям конца XX — первой четверти XXI в. показывает, что эта категория имеет очевидную тенденцию к универсализации и распространению в пределе на весь социум. Проницаемость гра-

ниц, упадок старых авторитетов, распространение альтернативных способов жизни и другие факторы привели к тому, что в известной степени мы все маргиналы. Мы живем в мире, где нормой стало отклонение от нормы.

Наконец, обращаясь к концепциям современной урбанистики, Баньковская утверждает, что современный город — фронтير социальных перемен, характеризующийся транзитивностью, множественностью стилей жизни, гетеротопичной гибридной средой, «пористостью» и креативностью, — является естественной средой для жизни маргиналов и для воспроизводства маргинальности. Социальная среда города, сама по себе маргинализирующая, представляет собой конstellляции индивидов, которые характеризуются контрфинальностью. Другими словами, эти конstellляции формируются множеством не согласованных между собой действий, отчего городская среда оказывается непредсказуемой и неконтролируемой. Автор анализирует ряд техник изучения подобной среды, в частности восходящую к идеям Вальтера Беньямина, а также социальный типаж фланера — праздношатающегося члена толпы, одновременно исполняющего роли детектива и незаинтересованного наблюдателя.

«Чужаки и границы» — интересная работа в области теоретической социологии, к тому же весьма полезная для понимания происходящих на наших глазах общественно-политических процессов. Поднятые автором вопросы выходят за рамки социологии — книгу можно рекомендовать философам, политическим теоретикам, антропологам и историкам. Продуктивным видится обращение к социальной онтологии Другого, не лишена теоретической ценности работа с пространственными и темпоральными аспектами маргинальности. Вместе с тем выбор этого последнего понятия для обсуждения нестабильности и подвижности современного мира и сам достоин обсуждения. Дело в том, что теоретическое рассмотрение социальной нестабильности возможно с использованием других понятий, таких как чрезвычайное положение, исключение, прекарность и т.д. Хотя автор и ограничилась областью социологической теории, однако междисциплинарный и во многом философский характер исследования все же предполагает диалог с теоретическими традициями, рассматривающими похожие проблемы.

Далее, несмотря на детальный анализ социальной онтологии Другого и фигур Чужака и Маргинала в социологической теории, проблематична роль субъекта в авторской концепции маргинальности, а также ее онтологические основания. Философская ориентация автора — кантианская, для которой Другой и в принципе маргинальность выводятся в конечном счете из допредикативного, нередуцируемого основания общества, выраженного в принципе различия. Это основание предстает в роли неопределенного, темного объекта — не друга и не врага, не своего и не чужого и т.д. (Здесь можно, сославшись на Джиллиан Роуз, заметить, что социологической теории вообще свойственна ориентация на кантианский трансцендентализм¹.) При гегелевском же и марксистском подходах такое допредикативное основание трактовалось бы в качестве не отдельного объекта, а негативности социального бытия как такового, из чего следовало бы, что маргинальность есть инобытие общества, потенциал для его трансформации. Баньковская подчеркивает творческий и креативный потенциал типажа Маргинала, но в то же время возникает вопрос о переосмыслении маргинальности в контексте теории субъекта: в какой степени маргинальность связана с субъектом, или особой частью общества, способной к радикальной трансформации общественного бытия? При всестороннем рассмотрении этого вопроса не избежать диалога как минимум с Марксом, кото-

1 См.: Rose G. *Hegel Contra Sociology*. London; New York: Verso, 2009.

рого, как ни крути, все же нельзя вычеркнуть из канона социологической теории. У Маркса есть категория пролетариата, столь же известная, сколь и амбивалентная. С одной стороны, в «Критике гегелевской философии права» пролетариат определяется как продукт разложения классового общества: это буквально отброс общества, исключенный, маргинал, которому нечего терять, потому-то он и может стать революционным субъектом. Однако в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» проводится различие между промышленным пролетариатом, способным возвыситься до борьбы, и опустившимся деклассированным люмпен-пролетариатом — пешкой в игре господствующих классов. Остается нерешенным вопрос: может ли маргинальность быть основой субъективности или она скорее является препятствием на пути формирования политического субъекта?

Конечно, следование этой линии не означает, что нужно непременно соглашаться с Марксом. И все же то, как расставлены в книге акценты, во многом приводит к недооценке таких аспектов маргинальности, как политический антагонизм, борьба за признание, классовый конфликт и т.п. Продуктивным был бы диалог концепций маргинальности с концепциями, отсылающими к диалектической и гегельянской логике, например с теориями диалектики раба и господина Александра Кожева, пролетариата как субъект-объекта истории Дьёрдя Лукача, события-истины Алена Бадью и др.²

Кроме того, не до конца продуманным представляется тезис об универсализации маргинальности. С одной стороны, он имеет эмпирические подтверждения, то есть доля правды здесь есть. Но, с другой стороны, в нем содержится логическое противоречие, ведь если все являются маргиналами, тогда ими не является никто. Если нормы больше нет, то где же критерий отклонения от нее? В строгом смысле универсализация маргинальности должна означать полный распад социального порядка, который Карл Шмитт называл эсхатологическим параличом, а Ленин — революционной ситуацией. Автор, однако, подобных исторических переломов не касается.

В связи с этим возникает вопрос: не является ли универсализация маргинальности, проявляющаяся, например, в пермиссивных социальных нравах и поощрении прежде девиантного и осуждаемого поведения, всего лишь более продвинутой формой поддержания социального порядка? Здесь можно вспомнить концепцию «тирании бесструктурности» Джо Фриман или социальную критику группы «Тиккун», в которой перманентно промежуточное состояние, воплощаемое в типаже Девушки, совершенно пустого существа, служит примером максимального, предельного конформизма³. Из отечественных авторов похожие тезисы выдвигал Эдуард Лимонов в «Дисциплинарном санатории»: по его теории, настоящие маргиналы, «возбуждающиеся» герои, оказываются главным угнетенным меньшинством, тогда как медиа и весь социальный порядок производят притворных маргиналов, псевдогероев — с целью поддержания тотального конформизма и лояльности населения господствующему порядку⁴.

2 См.: Кожев А. Введение в чтение Гегеля: Лекции по феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / Сост. и публ. Р. Кено; пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003; Лукач Г. Что такое ортодоксальный марксизм? // Лукач Г. История и классовое сознание: Исследования по марксистской диалектике / Пер. с нем. С. Земляного. М.: Логос-Альтера, 2003; Badiou A. Being and Event. New York: Continuum, 2005.

3 См.: Freeman J. The Tyranny of Structurelessness // Berkeley Journal of Sociology. 1972. Vol. 17. P. 151—164; Тиккун. Теория девушки: Предварительные материалы / Пер. с фр. С. Михайленко. М.: Гилея, 2014.

4 См.: Лимонов Э. Дисциплинарный санаторий. СПб.: Амфора, 2002.

Вероятно, имеет смысл говорить о смене способов маргинализации в либеральных обществах конца XX — первой четверти XXI в. имея в виду расцвет так называемого правого популизма или, скажем, избрание президентом США Дональда Трампа. То, что совсем недавно с позиции общественного консенсуса рассматривалось как абсолютно маргинальное, обреченное на поражение, побеждает в открытой борьбе и стремится уже маргинализировать своих оппонентов... Как видим, Светлана Баньковская поставила острые и актуальные вопросы, что делает ее книгу приглашением к серьезной общественно-политической рефлексии о феномене маргинальности во всех его проявлениях.